

ПОСЛАННИЦА РОКА

Книга первая

СТОЙБИЩЕ

Глава первая

I

То была худшая зима на памяти многих — что вскоре признали даже Мудрые. Снег рано пришел с Жотака и к восходу Гривастой звезды лежал слоем в несколько лап. Пронизывающий ветер продувал все щели бревенчатых логов стаи Дегнан, пока старухи, не выдержав, не выгнали самцов на улицу, чтобы обложили покатые крыши кусками дерна. Самцы старались изо всех сил, но ветер пожрал ледяными клыками все тепло земли, и та не поддавалась их орудиям. Они пытались завалить крыши снегом, но непрерывный ветер уносил его прочь. Запасы дров таяли пугающе быстро.

Молодняк стаи, когда ему не находилось других занятий, обычно рыскал по близлежащим холмам в поисках валежника. Но в эту суровую зиму Мудрые нашептали на ухо охотницам, и охотницы приказали щенкам не выходить за окружавший стойбище частокол. Щенки чуяли: что-то изменилось, и им становилось не по себе.

Никто не произносил слово «граукен». Старые жуткие истории на время позабылись. Никому не хотелось пугать малышей. Но все взрослые знали, что подобная погода готова пробудить зверя, таящегося под шкурой мета.

Все знали, что дичи в Жотаке наверняка будет мало, а у стай кочевников с северных земель рано иссякнут запасы еды и они наверняка вскоре придут на юг. Некоторые являлись даже в более мягкие зимы, похищая все, что попадалось под лапу, а в случае нужды и вступая в драку, чтобы завладеть плодами труда оседлых собратьев.

А в страшные зимы — каковой обещала стать и эта — они даже уносили маленьких щенков. Среди метов, в самом сердце великой зимы, голод не знал преград.

В рассказах, звучащих у очага, граукен был ненасытным чудовищем, которое обитало в тенистых лесах и скалистых холмах, подстерегая неосторожных щенков. В реальности же граукен был порождением голода, вынуждавшего забыть о цивилизации и разуме. Мудрые Дегнанов нашептывали охотницам, желая, чтобы у щенков вошло в привычку держаться поблизости и быть настороже задолго до того, как рычащий граукен явится из темного убежища.

На плечи измученных самцов легло очередное бремя. Они совершали вооруженные вылазки в поисках валежника и длинных прямых бревен, пригодных для строительства. К их обычным изматывающим обязанностям добавились расширение и укрепление спирального частокола из острых как иглы кольев. А также — доставка в логова снега, который затем растапливали. Полученную воду вновь выносили на холод, где заливали в формы и замораживали в кирпичи, из которых постепенно выстраивали внешнюю защиту для логов.

Такого ветра, как этой зимой, стая еще не знала. Даже в Летописи не упоминалось ничего похожего. Ветер стонал и выл не переставая. Похолодало настолько, что даже снег перестал падать. Любой, осмелившийся взяться голой лапой за металлическое оружие, рисковал лишиться кожи. Неосторожные щенки обмораживали мордочки. Страх светился в глазах Мудрых, когда они склоняли к очагу головы, бормоча беззубыми ртами о дурных предзнаменованиях. Сагана, самая мудрая из Мудрых, ежедневно жгла благовония и приносила жертвы. Все время, когда она не спала, ее дрожащие, изуродованные болезнью старые лапы плели могущественные фетиши и амулеты, которые вешали над входами в логова, умиротворяя духов.

Ветер не унимался. Зима становилась все студенее. Тень страха закралась в самые отважные сердца.

Охотницы обнаружили следы чужих метов в нескольких часах пути от стойбища, возле границ охотничьих угодий стаи Ласп. Возможно, их оставили охотницы Ласпов, выбравшиеся за пределы своей территории в поисках мелкой дичи, не впавшей в спяч-

ку. Но снег не хранил запахов, и всех преследовали самые худшие опасения. Не дикари ли это с севера, начавшие разведывать Верхний Понат?

В пещере Мачен, недалеко к северу от стойбища, обнаружили остатки старого костра. Даже зимой лишь самые отважные, отчаянные или глупые осмеливались ночевать в пещере Мачен. Ласпы или любые другие соседи предпочли бы продолжить путь ночью, чем искать там убежища. Мудрые шептались, а охотницы что-то бормотали друг другу. Знающие Верхний Понат ведали и то, что в пещере Мачен обитает тьма.

II

Марика, щена Скилджан, встретила свой десятый день рождения в худшую из зим, когда по углам логова матери таился страх, подобно мрачным теням из старых историй, которые больше не рассказывали старухи. Вместе с другими выжившими щенками из ее помета, Кублином и Замберлином, она попыталась отпраздновать это событие в свойственной щенкам манере, но это нисколько не развеяло угрюмого настроения старших.

Обычно щенячьи забавы основывались на старых преданиях и сказках, однако Марика и Кублин сочинили собственную приключенческую историю и, несмотря на протесты Замберлина, репетировали ее несколько недель. Марика с Кублином считали, что сумеют удивить старших, Замберлин же полагал, что они лишь оскорбят закоснелых Мудрых. Как в итоге оказалось, только их мать хоть сколько-нибудь отвлеклась от забот, слушая их повествование, и все их ожидания пошли прахом. Они пытались сопроводить выступление музыкой. Марика неплохо играла на флейте, а Замберлин с энтузиазмом колотил в обтянутые шкурами барабаны. Кублин пытался петь.

Одна старуха рывкнула, раздраженная шумом. Щенки не сумели вовремя остановиться, и Скилджан пришлось вмешаться, встав между старухой и ними.

Щенки пытались жонглировать, Марика в этом была весьма талантлива. Летом подобное зрелище всегда приводило старух в восторг. Казалось, она способна повелевать мячами в воздухе. Но теперь даже мать не проявила особого интереса.

Покинутые всеми, щенки забились в угол, согревая друг друга своим теплом. Холод пробирал до костей, леденя не только тело, но и душу.

В любое другое время года старшие огрызнулись бы на них, заявив, что они уже слишком взрослые для подобных глупостей. Но в эту ужасающую зиму старшие не обращали внимания на щенков, а те старались не попадаться им на глаза, поскольку все были на пределе и тонкий налет цивилизации мог слететь в любой миг. Если с кем-то из метов происходило подобное, он превращался в убийцу. Слишком тонка была нить, связывавшая их род с культурой и разумом.

Марика жалась к братьям, чувствуя, как отчаянно колотятся их сердца, и глядя сквозь дымный полумрак на старших. Кублин тихо скулил от страха. Он не отличался крепким здоровьем и был уже достаточно взрослым, чтобы знать, какой порой бывает судьба слабых самцов в суровые зимы.

Их жилище называлось логовом Скилджан, по имени матери Марики, хотя та делила его с десятком сестер, их самцов, несколькими пожилыми самками и всеми их щенками. Скилджан властвовала по праву опыта и силы, как до этого ее мать. Она была лучшей охотницей стаи, вторая по физической силе и первая по силе воли, и принадлежала к числу самых сообразительных самок стаи Дегнан. Поскольку именно эти качества позволяли метам выжить в дикой глуши, к Скилджан с почтением относились все, кто делил с ней логово. Даже старухи ей подчинялись, хотя она редко игнорировала их советы. Мудрые обладали большим опытом и могли видеть сквозь вуаль, что порой застилала глаза молодым. На советах стаи только слово Геррьен значило больше ее собственного.

В стойбище Дегнанов имелось шесть похожих друг на друга логов. На памяти живущих не построили ни одного нового. Каждое представляло собой лежащий на боку полуцилиндр девяноста футов в длину, около десяти в высоту и двадцати пяти в ширину. Южный конец, где располагался вход, был плоским, развернутым в сторону от зимних ветров. Северный конец напоминал сужающийся конус, скрывая под собой погреб для хранения припасов и защищая от клыков ветра. В шести футах над землей, на полфута выше среднего роста взрослого мета, нависало чердач-

ное помещение, где в теплое время года спали щенки. И туда же, в темные углы, убиралась бóльшая часть ненужных вещей. Чердак мог многое рассказать о прошлом стаи Дегнан, будучи хранилищем истории, куда более интересным, чем Летопись. Марика и Кублин провели там немало часов, исследуя тени и вспугивая мелких паразитов, а иногда извлекая на свет сокровища, считавшиеся утраченными или забытыми в течение многих лет.

Пол логова был земляным, утоптаным поколениями лап. Его устилали шкуры, на которых вповалку спали взрослые — самцы к северу, старухи между двумя центральными очагами, самки щенородного возраста к югу, ближе всего к двери. У стен логова лежали дрова, а также орудия, оружие, имущество и съестные припасы, которые не обязательно хранить на холоде. Все это создавало дополнительную защиту от стужи.

Со стропил, поддерживавших чердак, свисали связки еды, шкур и прочих вещей, из-за чего путь через логово становился извилистым и достаточно интересным.

И — запахи! Сильнее всего был густой запах дыма, поскольку зимой, когда тепло ценилось выше всего, дым почти не выходил наружу. За ним следовал запах немывтых тел, свисающих колбас, плодов, овощей. Летом стая Дегнан мало времени проводила в доме, предпочитая провонявшему помещению сон под звездами. Летом взрослые меты с тоской говорили о свободе, которой наслаждаются кочевники Жотака, не привязанные к подобным дурнопахнущим западням для душ. Кочевники считали, что в построенных домах душа оказывается в плену, и укрывались в пещерах или временных палатках из шкур. Но когда со стороны Жотака завывал ледяной ветер, от тоски взрослых не оставалось и следа. Оседлые меты, выращивавшие горстку тощих овощей и злаков и добывавшие в лесах мясо и плоды, которые можно было завялить и засушить, переживали зиму с куда большим уютом, чем их свободные собратья.

— Марика! — рявкнула старая Зертан. — Поди сюда, щена.

Марика вздрогнула, выпутываясь из объятий братьев. Все щенки стаи звали мать ее матери Карка — по имени летучего хищника с невероятно дурным характером. У Зертан были плохие зубы, которые постоянно болели, но она не позволяла их вырывать и отказывалась пить отвар гойина. Она была слегка не в се-

бе от старости и боялась, что, если задремлет, выпив обезболивающего снадобья, к ней подкрадутся давно умершие враги.

Ровесницы за глаза звали ее Релат. Релатом назывался падальщик, который убивал добычу, а потом ждал, когда она протухнет. Из-за гнилых зубов Зертан у нее отвратительно воняло изо рта.

Марика подошла к ней, почтительно склонив голову.

— Сбегай в логово Геррьен, щена. Принеси те иглы, что обещала мне Боргет.

— Да, бабушка.

Марика повернулась, поймав взгляд матери. Как ей поступить? Боргет не стало месяц назад. Да и в любом случае, насколько помнила Марика, та была настолько слаба, что вряд ли смогла бы сделать хоть одну иглу.

Бабка в очередной раз теряла ощущение времени. Скоро она забудет, кого как зовут, и начнет разговаривать с метами, умершими поколение назад.

Скилджан кивнула в сторону двери, давая понять, что следует притвориться послушной.

— У меня тут есть кое-что для Геррьен, раз уж ты все равно идешь.

По крайней мере, поход не пропадет впустую.

Набросив тяжелую доху из шкур и натянув сапоги на меху отека, Марика подождала у двери. Зертан наблюдала за ней, будто некая коварная часть ее разума знала, что повод для похода мифический, но все равно гнала Марику на лютый холод. Только из-за того, что она слишком юна? Или Зертан продолжала цепляться за остатки власти, которая принадлежала ей, когда логово носило ее имя?

Скилджан принесла мешок с каменными наконечниками для стрел, из тех, что использовались для повседневной охоты. Самки ее логова были опытными мастерицами по изготовлению кремневых орудий. В каждом логове меты занимались своим ремеслом, скрашивая долгие зимы.

— Скажи Геррьен, что их нужно насадить на древка.

— Да, мам.

Марика проскользнула сквозь тяжелые занавеси, не дававшие холоду с ревом ворваться в логово, когда открывалась дверь. Она немного постояла, положив лапу на засов, прежде чем шагнуть

на мороз. Зертан. Возможно, стоило бы избавляться от сумасшедших старух, а не от щенков, подумала она. От Кублина было намного больше пользы, чем от бабки, давно не вызывавшей ничего, кроме недовольства.

Глубоко вдохнув дымный воздух, она открыла дверь, и в морду ей тут же ударил ветер. Глаза мгновенно заслезились. Опустив голову, она с трудом пересекла центральную площадь. Если поспешить, можно успеть, прежде чем ее начнет бить дрожь.

Логова стаи Дегнан стояли в два ряда по три, один — к северу, другой — к югу, с открытым пространством в пятьдесят футов между ними. Логово Скилджан располагалось посредине в северном ряду, между логовами Дорлак и Логуш. Логово Геррьен было крайним слева от Марики, если стоять мордой на юг. Центральным и правым логовами заправляли меты по имени Фехсе и Кузмик. В жизнь Марики редко вмешивался кто-либо, кроме Геррьен. Геррьен и Скилджан были подругами и соперницами со щенячьего возраста.

Неподалеку от внешних логов проходил частокол с прильнувшими к нему пристройками, дважды описывая спираль вокруг стойбища. Любому незваному гостю, чтобы добраться до цели, пришлось бы пройти по кругу через узкий ход шириной в ярд. В отличие от некоторых соседних стай, Дегнаны не пытались окружить забором также свои сады и поля. Опасность в любом случае грозила зимой. Когда-то при строительстве стойбища решили, что лучше уж попасть в осаду во время выращивания урожая, чем лишиться преимущества, которое давал при обороне более короткий частокол.

Площадь между рядами логов в это время года выглядела пустынной и голой. Летом на ней царил относительно управляемый хаос — засаливалось мясо, дубились шкуры, носились туда-сюда щенки.

Шесть логов. Стойбище Дегнан было самым большим в этой части Верхнего Поната и самым богатым. Соседи им завидовали. Но Марика, всегда мечтавшая о чем-то большем, не чувствовала себя богатой. Чаще всего она пребывала в унынии, ощущая себя обделенной при рождении.

Самцы-торговцы рассказывали про места на юге, называвшиеся городами. Там делали драгоценные железные орудия, которые

Мудрые принимали в обмен на шкуры отеков. Там многие стаи жили вместе в логовах, построенных не из бревен, но из камня. Там дыхание зимы было намного легче, а каменные жилища не пропускали внутрь холод. Там по определению должно быть лучше, чем здесь.

Марика с Кублином проводили немало часов, мечтая вслух о том, каково это — жить там.

Торговцы также рассказывали о каменном сооружении под названием «крепость». Оно стояло всего в трех днях пути вниз по течению близлежащей реки, где та соединялась с другой, превращаясь в Хайнлин — реку, что воспета в Летописи как путеводная нить, в древние времена приведшая Дегнанов в Верхний Понат. Торговцы рассказывали о настоящей дороге, которая начиналась ниже крепости и, извиваясь, шла через горы и равнины на юг, к великим городам, названий которых Марика так и не запомнила.

Мать Марики несколько раз бывала в этой каменной крепости. Каждый год обитавшие там великие призывали к себе главных самок стай Верхнего Поната. Скилджан проводила с ними по десять дней. Говорили, будто там совершаются обряды и приносится дань, но Скилджан ни о чем не рассказывала, лишь бормотала себе под нос: «Суки-силты». И на все вопросы отвечала: «Со временем, Марика. Со временем все узнаешь. Не стоит с этим спешить». Скилджан сложно было чем-либо напугать, и тем не менее она, похоже, боялась отпустить туда своих щенков.

Другие щенки, моложе Марики, побывали там прошлым летом и вернулись в восторге, радуясь, что им есть теперь чем похвастаться. Но Скилджан оставалась непреклонна. Они с Марикой уже успели поругаться насчет следующего лета.

Марика вдруг поняла, что остановилась на ветру и вся дрожит. Мечтательница, как насмешливо называли ее охотницы и Мудрые — а иногда, когда им казалось, будто она не замечает, искоса бросали на нее полные неуверенности или страха взгляды. И они были правы. Хорошо, что щенков теперь не пускали в лес. Предавшись мечтам, она вполне могла найти какой-нибудь ранний подснежник или красивый камешек на берегу ручья... И пока она наслаждалась бы их красотой, ее запросто бы сцапал граукен.

Она вошла в логово Геррьен. Внутри оно выглядело почти так же, как и логово Скилджан. Слегка отличались лишь запахи. В доме Геррьен жило больше самцов, и зимой все его обитатели изготавливали изделия из дерева. Хуже всего пахло всегда в логове Логуш. Тамошние меты в основном выделявали шкуры и дубили кожу.

Марика остановилась перед защищавшими от ветра шкурами, ожидая, когда ее узнают. Геррьен сразу же послала щенка выяснить, кто пришел. В этом логове царила намного более расслабленная атмосфера, чем в той, где заправляла Скилджан. Здесь всегда было веселее и радостнее. Геррьен не пугала тяжелая жизнь Верхнего Поната, которую она воспринимала как данность и отказывалась сражаться с будущим до того, как оно наступит. Марика порой жалела, что ее не родила жизнерадостная Геррьен вместо угрюмой Скилджан.

— Чего тебе? — требовательно спросил Солфранк.

Самец был на два года ее старше. И почти готов к обряду посвящения во взрослые, после которого ему предстояло покинуть стойбище и отправиться в странствие по Верхнему Понату в поисках стаи, которая бы его приняла. У него были отличные шансы — образованию и умениям самцов стаи Дегнан могли позавидовать многие.

Солфранк Марике не нравился, и их неприязнь была взаимной, еще с тех времен, когда самец считал, что разница в возрасте дает больше преимущества, чем пол. Он пытался задирать Марику, но она не собиралась уступать; в ход пошли молодые зубы, и старшему щенку пришлось сдаться. Солфранк не простил ей подобного унижения. Их вражда, известная многим, осталась несмываемым пятном на его шкуре, которое могло помешать поискам новой стаи.

— Меня прислала мама с полусотней наконечников для стрел, которые надо приделать к древкам. — Марика слегка насмешливо оскалилась — мол, только попробуй тронуть! — А бабушке нужны те иглы, что обещала Боргет.

Марика вспомнила, что Кублину Солфранк нравился. Когда он не таскался за ней, ошивался в компании щенка Геррьен, заражаясь всевозможными дурными идеями, которые Солфранк нашептывал ему на ухо. По крайней мере, хотя бы Замберлин

знал, что тот собой представляет, и относился к нему с должным презрением.

Солфранк обнажил клыки, удовлетворенный очередным свидетельством того, что в логове Скилджан обитают одни чокнутые.

— Ладно, скажу мамаше.

Несколько минут спустя Марика уже сжимала в лапах связку готовых стрел. Геррьен сама принесла маленький кусочек тонкой кожи, в который завернула несколько костяных игл.

— Это иглы Боргет. Скажи Скилджан, что их нужно вернуть.

Иглы были не железные — железо стоило слишком дорого. Но... Марика поняла сказанное лишь тогда, когда снова вышла наружу.

Геррьен не рассчитывала, что Зертан еще долго протянет. Эти несколько игл, когда-то принадлежавших ее подруге — а в совете, как часто бывало, и врагу, — могли доставить ей радость на закате дней. Хотя Марика не любила бабу, на глазах выступили слезы, которые быстро замерзли и начали жечь. Марика раздраженно смахнула их лапой в толстой перчатке.

Ее отделяла от дома всего три шага, когда ветер донес чей-то крик, слабый, далекий и едва различимый. Она никогда прежде не слышала подобного крика, но мгновенно его узнала. То был крик мета, полный отчаяния и боли.

Охотницы стаи Дегнан ушли на промысел, как бывало каждый день в суровые времена. Самцы бродили в окрестностях в поисках валежника. Стоило ждать неприятностей. Марика ворвалась в логово и, не дожидаясь, пока ее узнают, принялась сбивчиво рассказывать.

— Кричали со стороны пещеры Мачен, — закончила она и вздрогнула. Пещера Мачен внушала ей страх.

Скилджан переглянулась с помощницами.

— Наверх, щена, — велела она. — Наверх.

— Но, мам... — Съездившись под яростным взглядом, Марика поспешила наверх по лестнице.

Остальные щенки забросали ее вопросами, но она не обращала на них внимания, обняв Кублина.

— Кричали со стороны пещеры Мачен.

— Это за много миль отсюда, — напомнил Кублин.

— Знаю. — Возможно, крик ей почудился. — Но кричали отсюда. Собственно, я только это и сказала. Я не говорила, что крик донесся из самой пещеры.

Кублин вздрогнул и замолчал. Замолчала и Марика.

Щенки очень боялись пещеры Мачен. И они верили, что их страх небеспочвенный.

III

Была середина лета, время, когда опасность приходилось еще поискать. Щенкам позволялось свободно бегать по лесам и холмам, знакомясь с территорией стаи. Все их занятия и игры подчинялись одной цели — научиться умениям, которые необходимы взрослым, чтобы выжить и вырастить собственных щенков.

Марика почти всегда бегала с однопометниками, особенно с Кублином. Замберлин редко делал что-либо, чего от него не требовали.

Кублин, однако, не обладал выносливостью, силой и отвагой Марики. Порой он ее раздражал. Разозлившись, она иногда пряталась, вынуждая его действовать самостоятельно. Он скулил, жаловался, ворчал, но всегда справлялся, пусть и не слишком быстро. Для его уровня способностей ему вполне хватало.

На северо-востоке от стойбища стояла скала Стапен, причудливый базальтовый выступ, который древние Мудрые объявили имеющим духовное и обрядовое значение. На скале Стапен Мудрые общались с духами леса и оставляли подношения, которые должны были обеспечить хорошую охоту, богатый урожай, сочные ягоды и изобилие чота. Чотом называлось растение высотой до колен со съедобными листьями и плодами, а также жирными сладкими клубнями, которые могли бесконечно долго храниться в темном прохладном сухом месте.

Скала Стапен была главной среди пяти подобных природных святилищ, напоминавших о древних традициях Дегнанов. Остальные четыре посвящались духам воздуха и воды, огня и подземного мира. Всеединому, хранителю древних обычаев, поклонялись в самих логовах.

Пещера Мачен, врата в подземный мир, являлась средоточием темной стороны жизни. Похсит, сагана логова Скилджан, и ей подобные часто бывали в пещере Мачен, умиротворяя тени мертвых и обновляя заклятия, закрывавшие перед ними врата.

По меркам Поната, Дегнаны не были суеверны, но они не жалели подношений, чтобы отвести пагубное влияние теней. Заклятия, запиравшие пещеру, всегда были многочисленными и свежими.

Марика забавлялась с Кублином в игру, испытывавшую их отвагу. Требовалось подобраться к святилищу ближе, чем позволял страх. Робкий Кублин всегда держался рядом с Марикой, когда они бегали по лесам, — если в силу обстоятельств ей приходилось брать его с собой.

Марика играла в эту игру уже третье лето. Однако в то лето, что предшествовало великой зиме, игра перестала быть просто щенячьей забавой.

Как всегда, Кублин не проявлял особого желания. Еще на почтительном расстоянии он заскулил:

— Марика, я устал. Может, пойдем домой?

— Еще даже вечер не наступил, Кублин. Ты что, малыш, которому нужно в постельку? — Внезапно она отвлеклась. — Ого, смотри!

Она заметила среди старых листьев на северном склоне оврага густую поросль чота. Чот лучше всего рос там, где на него меньше палило солнце. Это было короткоживущее растение, которое вырастало, цвело, плодоносило и увядало за тридцать дней. Столь пышная поросль не могла остаться незамеченной. Наверняка она торчала здесь уже многие годы, и все же о ней следовало сообщить. От щенков ожидали докладов о всевозможных находках. Подобные доклады были полезны хотя бы тем, что показывали, насколько хорошо щенки знают территорию.

Марика и думать забыла о пещере, занявшись поисками растений с листьями величиной в две лапы, а не в одну — тех, на которых росли плоды на коротких стеблях, отходивших от сочленений листьев.

— Вон один. Незрелый. И этот тоже незрелый.

Кублин нашел первый зрелый плод, бледное зеленовато-желтое яйцо размером дюйм на полтора, на котором начали проявляться коричневые пятнышки.

— Есть! — Он сорвал плод.

Мгновение спустя Марика нашла еще один. Прокусив в нем дырочку, она высосала пряный кислый сок, затем, расколов скорлупу, извлекла семена, которые тут же закопала. Мякоти в плоде чота было мало, к тому же под самой кожурой она горчила до несъедобности. Щена осторожно срезала лучшую часть маленьким каменным ножом — вытянутая морда и клыки меты не позволяли добраться до мякоти без подручных средств.

Кублин, похоже, намеревался сожрать все росшие на полянке плоды. Марика решила, что он тянет время:

— Пошли!

Она жалела, что с ними не пошел Замберлин — тогда Кублин вел бы себя послušнее. Но Замберлин в этом году бегал с друзьями, а Кублину от этих друзей не было никакого толку, поскольку он не мог за ними угнаться.

Их пути постепенно расходились. Марике это не нравилось, хотя она понимала, что этого не избежать. Через несколько лет они станут взрослыми, и тогда Замби и Куб уйдут навсегда...

Бедняга Кублин. В самце ценится вовсе не ум...

Через ручеек, вверх по склону, через небольшую лужайку, вниз по лесистому склону вдоль ручья пошире и треть мили вниз по течению. Дальше ручей огибал подножие солидных размеров холма, первого в нагорье Жотак. Марика присела в сотне футов от ручья и в тридцати выше его, глядя на тень среди кустов и камней напротив, обозначающую вход в пещеру. Кублин устроился рядом, шумно дыша, хотя она задавала не столь уж быстрый темп.

Порой даже ее раздражало, что ему недостает выносливости.

Солнечные лучи наискосок пробивались сквозь листья, освещая белые, желтые и бледно-красные соцветия. На фоне света и тени перелетали с ветки на ветку крылатые создания, то исчезая, то появляясь. Часть света падала рядом со входом в пещеру, но никак не освещала ее нутро.

Марика никогда не подходила к ней ближе, чем до берега ручья. С того места, где они сейчас сидели, она не могла различить ничего, кроме темного пятна. Даже жертвенника, где оставляли подношения, не было видно.

Говорили, будто меты с юга насмеваются над более примитивными собратьями из-за того, что те поклоняются духам, ко-

торым они в любом случае безразличны. Даже среди Дегнанов имелись те, кто воспринимал всерьез лишь Всеединое. Но и они участвовали в обрядах на всякий случай. Меты Поната предпочитали не рисковать.

Марика слышала, будто стаи кочевников Жотака проводят некие обряды, согласно которым темные и светлые духи, боги и дьяволы живут в чем угодно. Даже в камнях.

Кублин наконец отдышался. Марика поднялась и, скользя по склону, спустилась к ручью. Кублин неуверенно последовал за ней. Ему было страшно, но он не протестовал, даже когда она перепрыгнула ручей. Он последовал ее примеру, похоже решив хотя бы раз ее превзойти.

Марика посмотрела вверх по склону, и ей стало слегка не по себе. С того места, где она стояла, о существовании пещеры говорила лишь стекавшая сверху по скользкому камню илистая струйка. В некоторые времена года из пещеры изливался поток.

Марика попыталась осознать охватившее ее странное чувство, но не сумела. Казалось, будто она съела нечто неудобоваримое, действующее на нервы. С пещерой Марика это не связывала — находясь поблизости, она никогда прежде не ощущала ничего, кроме страха. Она взглянула на Кублина, которому теперь было скорее тревожно, чем страшно.

— Ну?

Кублин вызывающе оскалился:

— Хочешь, чтобы я пошел первым?

Сделав несколько шагов, Марика снова посмотрела вверх по склону. И ничего не увидела. Кусты все так же закрывали пещеру.

Еще три шага.

— Марика...

Она оглянулась. Кублин был чем-то обеспокоен, но не так, как обычно.

— Что?

— Там что-то есть.

Марика ждала объяснений. Насмехаться над ним она не собиралась — порой он мог рассказать о том, чего никак не мог видеть. Как и она сама... Она вновь попыталась разобраться в собственных ощущениях, но не сумела.

Она действительно чувствовала чье-то присутствие. И к пещере это не имело никакого отношения.

— Сядь, — тихо сказала она.

— Зачем?

— Затем, что я хочу пригнуться и заглянуть сквозь кусты. Кто-то за нами наблюдает. И я не хочу, чтобы они знали, что мы про них знаем.

Кублин послушно сел. Марика взглянула над его головой.

— Это Похсит, — сказала она, вспомнив навязчивое безотчетное ощущение, будто за ней следят, — ощущение, заставившее ее вести себя намного осторожнее, чем она осознавала. — Она опять нас преследует.

Кублин ответил так же, как и любой щенок на его месте:

— Мы запросто от нее убежим. Она слишком старая.

— Тогда она поймет, что мы ее видели. — Марика немного посидела, пытаясь понять, почему сагана последовала за ними. Для такой старухи это был тяжкий труд. Никаких разумных мыслей, однако, в голову не приходило. — Давай притворимся, будто ее тут нет. Пошли.

Они прошли всего четыре шага, когда Кублин схватил ее за лапу:

— Там правда что-то есть, Марика!

Марика вновь попыталась почувствовать чужака, но у нее ничего не получилось. Возможно, многое зависело от ожиданий — потому ей и удалось почуять Похсит. На этот раз она ожидала какого-то крупного зверя, непосредственной физической опасности, но ничего такого не ощущалось.

— Ничего не чувствую.

Кублин что-то раздраженно проворчал. Обычно бывало наоборот: Марика пыталась объяснить свои ощущения, к которым он оставался полностью слеп.

Почему Похсит следовала за ними по пятам? Она всегда их недолюбливала и говорила про них маме всякие нехорошие вещи. Марика снова попробовала увидеть старую мету, прибегнув к тому странному чувству, для которого у нее не было даже названия.

В ее разум хлынули чужие мысли. Судорожно вздохнув, она пошатнулась и тряхнула головой:

— Кублин!

Братец не сводил взгляда со входа в пещеру, беспокойно водя носом:

— Чего?

— Я только что... — Она сама толком не знала, что произошло. Ей не на что было сослаться — ничего подобного прежде не случилось. — Кажется, я только что слышала мысли Похсит.

— Ты... что?

— Я слышала, о чем она думает. О нас... обо мне. Она меня боится. Она считает, будто я ведьма или вроде того.

— Ты вообще о чем?

— Я думала о Похсит. О том, почему она нас всегда преследует. Я попыталась ее почувствовать, как мне иногда удается, и вдруг я услышала ее мысли. Я побывала у нее в голове, Кублин. Или она у меня. Я боюсь.

Кублину, похоже, вовсе не было страшно, что удивило Марику.

— И о чем она думала? — спросил он.

— Я же тебе говорила. Она считает меня кем-то вроде ведьмы. Дьяволом или еще кем-то. У нее была мысль попытаться убедить Мудрых, чтобы они... они...

Марика только теперь осознала, о чем думала Похсит. Та была настолько напугана, что хотела Марику убить или изгнать из стаи.

— Кублин, она хочет меня убить. Она ищет доказательства, которые убедили бы маму и Мудрых.

Особенно Мудрых. Набравшись решимости, те вполне могли пойти наперекор воле Скилджан.

Кублин был странным щенком. Столкнувшись с четкой проблемой или серьезной опасностью, он мог выбросить из головы все страхи, полностью сосредоточившись на решении проблемы. Он падал духом лишь тогда, когда угроза оказывалась слишком неопределенной. Марика, однако, не согласилась с тем, как он намеревался разделаться с опасностью, уже начавшей казаться маловероятной.

— Мы заманим старуху на скалу Стапен и столкнем оттуда, — заявил он.

По сути, он предлагал убийство. Вполне всерьез. Кублин вовсе не шутил.

Кублин и Замберлин оказались в той же опасности, что и Марика. Они ее однопометники, и этого достаточно, чтобы их обвинили вместе с ней, если Похсит придумает какой-нибудь фантастический повод и убедит в нем всю стаю. В их жилах текла та же кровь, и они были самцами, не представлявшими особой ценности.

Несмотря на все свое бессилие, Кублин был готов встречать опасность во всеоружии.

На какое-то мгновение Марика испугалась. Он говорил серьезно, словно речь шла о том, чтобы раздавить докучливое насекомое, хотя Похсит была в их жизни всегда. Будучи саганой, она учила их обрядам и в некотором смысле была им ближе матери.

— Даже не думай, — сказала Марика. Она уже почти не сомневалась, что мысленный контакт ей почудился. — Мы пришли посмотреть пещеру.

Они никогда еще не подбирались к пещере столь близко, и впервые Кублин шел первым. Марика обогнала его, утверждая свое превосходство. Интересно, о чем сейчас думает Похсит? Щенков неоднократно предупреждали насчет пещеры Мачен. Марика прошла еще несколько шагов вверх по склону.

Наконец она увидела вход в пещеру, черный, будто пустота среди звезд в ночи, когда заходили все луны. Еще через два шага она присела, приюхиваясь к исходившему из темноты дуновению холодного воздуха. От него пахло землей и немного падалью. Кублин уселся рядом.

— Не вижу никакого жертвенника, — сказала она. — Пещера как пещера.

Ничто не свидетельствовало о том, что сюда вообще кто-либо приходил.

— Там правда что-то есть, — пробормотал Кублин. — Непохожее на зверя.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Марика последовала его примеру, думая о Похсит.

И вновь на нее нахлынула ярость, безумная решимость наказать Марику за некое преступление, непостижимое для щенка. За мыслями следовал страх, столь отталкивающий, что Марику

затошнило. Пошатнувшись, она почувствовала, как ее сознание ускользает куда-то в темное нутро пещеры Мачен.

Она закричала.

Кублин зажал ей рот лапой:

— Марика! Успокойся! Что с тобой, Марика?

Она не могла произнести ни слова. Там в самом деле что-то было — что-то большое, темное и голодное. Что-то, не имевшее тела. И оно могло быть лишь духом или призраком.

Кублин, похоже, был полностью спокоен. Хотя нет — он боится, но не настолько, чтобы потерять голову.

Марика вспомнила Похсит, ее необъяснимую ненависть и злое намерения и наконец взяла себя в лапы.

— Кублин, нужно отсюда убираться. Пока это нечто нас не заметило.

Но Кублин не обращал на нее никакого внимания. Он двинулся вперед, переставляя лапы, будто во сне.

Если бы за ними не наблюдала Похсит и если бы ее мысли не были столь злобными, Марика ударилась бы в панику. Но опасность на дальнем берегу была вполне конкретной, и это помогло ей сохранить самообладание. Схватив Кублина за лапу, она развернула его к себе. Он не сопротивлялся, но и не отзывался адекватно, пока она не привела его на берег ручья, где глаза его из остекленевших вновь стали нормальными. Несколько мгновений брат не мог понять, где он и что тут делает.

Марика все объяснила, закончив словами:

— Нужно уходить, как будто ничего не случилось.

Это было важнее всего. Похсит как раз и нужно нечто, подобное случившемуся.

Кублин наконец пришел в себя, и весь остаток дня они вели себя так, как и подобает бесстрашным щенкам, оказавшимся на свободе в лесу. Но Марику тревожили сотни вопросов, которые вызывала пещера Мачен.

Что за существо там обитало? И что оно сделало с Кублином?

Он тоже был необычно задумчив.

Именно тогда все началось по-настоящему. Марика, однако, еще долго полагала, что все началось посреди той жуткой зимы, когда она услышала крик мета, донесенный холодным северным ветром.

Глава вторая

I

Расспросив Марику и убедившись, что крик ей не почудился, Скилджан обошла логова и организовала поисковую группу, взяв по две охотницы из каждой. После того как Марика снова рассказала об услышанном, они покинули стойбище. Забравшись на сторожевую вышку, Марика смотрела, как они идут по узкому проходу вокруг частокола, через ворота, а потом вприпрыжку мчатся по заснеженным полям, прямо в клыки ветра.

Ей было страшно, хотя она не могла в том признаться даже себе самой. День клонился к закату, небо затянулось тучами. Близился очередной снегопад, и если охотницы задержатся, их застигнет метель, в которой после наступления темноты могут заблудиться даже самые опытные.

На вышке она пробыла недолго. На морду упали несколько ледяных катышков, обещая ухудшение погоды, и она вернулась в логово.

Страх и тревога не оставляли ее. В ушах звучал все тот же крик.

В спертom воздухе логова тоже чувствовалось беспокойство. Самцы нервно бродили по своей территории. Старухи с железной решимостью склонились над работой. Даже Зертан взяла себя в лапы и занялась шитьем. Самки помоложе расхаживали туда-сюда, ворча друг на друга. Щенки спрятались на чердаке, где могли чувствовать себя в безопасности.

Марика разделась, аккуратно повесила доху, поставила сапоги неподалеку от огня и взбежала по лестнице. Кублин помог ей забраться на чердак. Замберлина она не заметила, — вероятно, он был где-то с друзьями.

Они с Кублином спрятались в тень подальше от других щенков.

— Что ты видела? — прошептал он.

Марика предлагала ему забраться на вышку вместе с ней, но ему не хватило отваги. Впрочем, несмотря на слабость, Кублин нравился Марике больше всех щенков в логове.

Содержание

Посланница рока. <i>Роман</i>	5
Колдун. <i>Роман</i>	243
Последний обряд. <i>Роман</i>	501
Темная война. <i>Рассказ</i>	751